

Культурная память и социальная идентичность ингушей как представителей репрессированного народа

Т.Г. Стефаненко, Т.А. Тумгоева

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

М.В. Котова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Поступила 12 октября 2017/ Принята к публикации: 30 октября 2017

The Ingush's cultural memory and social identity as a representative of repressed ethnic group

Tatyana G. Stefanenko*, Tanzila A. Tumgoeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Marina V. Kotova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

* E-mail: tstef@yandex.ru

Received October 12, 2017 / Accepted for publication: October 30, 2017

Актуальность (контекст) тематики статьи. Авторы статьи задаются вопросом о том, каким образом осуществляется преемственность и поддержание социальной идентичности из поколения в поколение. Особое внимание привлекают факты сохранения памяти о травматичном прошлом группы, например, происшедших репрессиях, депортациях, поскольку они противоречат распространенному взгляду на социальную идентичность как инструмент достижения позитивной индивидуальной самооценки на основании позитивного образа группы. В статье предполагается, что культурная память, играя роль связующего звена между прошлым, настоящим и будущим социальной группы, обеспечивает преемственность социальной идентичности. В том числе и идентичности, включающей осмысление и переживание негативного прошлого группы.

Цель. Целью настоящего исследования выступило обоснование роли культурной памяти как основы идентификации с группой и эмпирическая проверка существования взаимосвязи между этими двумя конструктами.

Описание хода исследования. В письменном анкетировании приняли участие 296 человек, в возрасте от 17 до 70 лет ($M = 26,22$, $SD = 10,0$), идентифицировавших себя как ингуши. Респонденты отвечали на вопросы относительно своей социальной идентичности (этнической, гражданской и религиозной), оценивали свои переживания, связанные с фактом депортации, и развернуто обосновывали необходимость сохранения культурной памяти о депортации.

Результаты исследования. Обработка данных показала, что мера идентичности с группой положительно взаимосвязана с мерой переживания факта депортации, хотя эти переживания отнюдь не позитивные (гнев, обида, унижение, душевная боль и др.), а также с частотой вспоминания о факте депортации и желании больше узнать об этом событии.

Выводы. Полученные результаты подтверждают высказанное предположение о роли культурной памяти. Они позволяют проводить дальнейшие исследования по уточнению взаимосвязи между культурной памятью и социальной идентичностью, по оценке действия дополнительных факторов, например, групповых эмоций, психологического благополучия и других.

Ключевые слова: этническая идентичность, гражданская идентичность, религиозная идентичность, культурная память, депортация, ингуши

Background. The authors of the paper enquire how the continuity and maintenance of social identity is carried out from generation to generation. Particular attention is drawn to the memory of the traumatic past of the group, such as repression and deportation, as they contradict the widespread view of social identity as a tool for achieving positive individual self-esteem based on a positive image of the group. The paper assumes that cultural memory being a link between the past, the present and the future of the social group ensures the continuity of social identity. Identity that includes the comprehension and experience of the negative past of the group is also considered.

Objective. The objective of this study is to justify the role of cultural memory as the basis of identification with the group and an empirical test of the relationship between the two constructs.

Design. A written questionnaire was offered to 296 people aged between 17 and 70 ($M = 26.22$, $SD = 10.0$) who identified themselves as Ingush. The respondents answered questions about their social identity (ethnic, civil and religious), assessed their experiences related to the deportation fact, and substantively argued the need to preserve the cultural memory of the deportation.

Conclusion. The data obtained show that the extent of identity within the group is positively correlated with the extent of the deportation experience, although these experiences are by no means positive (anger, insult, humiliation, heart pain, etc.), and also with the frequency of recalling the fact of deportation and desire to learn more about this event.

The obtained results confirm the suggested assumption about the role of cultural memory and allow to develop further research on clarifying the relationship between cultural memory and social identity, assessing the impact of such additional factors as group emotions, psychological well-being, etc.

Keywords: ethnic identity, national identity, religious identity, cultural memory, deportation, Ingush

Социальная идентичность является давним предметом интереса психологов, социологов, антропологов и философов (Андреева, 2013; Барт, 2006; Гудков, 2004; Ashmore, 2004; Tajfel, 1982). Можно утверждать, что внимание исследователей при изучении социальной идентичности, прежде всего,

учается значительно реже (Gongaware, 2011). Эта проблема заключается в следующем. С одной стороны, идентификация человека с группой формируется и изменяется в течение жизни конкретного индивидуума, то есть это индивидуальный процесс, ограниченный длительностью жизни отдельного человека. С другой

Роль идентичности в поддержании группы особенно подчеркивается при конструкционистском взгляде на идентичность и группу, с точки зрения которого принадлежность к группе, равно как и сама группа, формируется и конструируется, а не задается биологически или «от рождения»

привлекают вопросы участия социальной идентичности и ее различных видов (этнической, гражданской, религиозной и других) в процессах межгрупповых отношений (Brown, 2000; Ellemers et al., 2002; Tajfel, 1982). Однако не меньшее значение имеет проблема преемственности идентичности из поколения в поколение, которая на данный момент из-

стороны, социальная идентичность с необходимостью включается в поддерживаемые жизнеспособности группы (Blanz et al., 1998; Tajfel, 1982), то есть она должна успешно передаваться из поколения в поколение.

Проблема преемственности идентичности, на наш взгляд, связана с двумя методологическими вопросами, важны-

ми для ее понимания. Во-первых, роль идентичности в поддержании группы особенно подчеркивается при конструкционистском взгляде на идентичность и группу, с точки зрения которого принадлежность к группе, равно как и сама группа, формируется и конструируется, а не задается биологически или «от рождения» (Барт, 2006; Стефаненко, 2014). Соответственно, если принять точку зрения об отсутствии биологических оснований для существования социальных групп в обществе, то возникает вопрос о том, что позволяет сохранять группу из поколения в поколение. Во-вторых, отдельный интерес и отдельную сложность представляют негативные события в истории группы и их значение для ее сохранения, так как негативные события представляют своеобразную угрозу позитивному образу группы, но при этом память о них тщательно сохраняется (Кениг, 2005; Эткинд, 2016).

Анализ литературы показывает, что, обсуждая межпоколенную устойчивость группы и культуры, исследователи обращаются к понятиям ценностей (Schönplflug, 2001), мотивации этнокультурной преемственности (при изучении стратегий аккультурации в новой культуре) (Smeeke, Verkuyten, 2014) и культурной, социальной или коллективной памяти (Хальбвакс, 2005; Wersch, Roediger, 2008). Из перечисленных феноменов в рамках данной работы мы остановимся на понятии культурной памяти, поскольку оно теснее всего связано с содержанием передаваемой информации, то есть с содержанием культурных нарративов, что напрямую имеет отношение к переживанию травмирующего опыта, которым является депортация.

Несмотря на наличие большого числа исследований социальной идентичности и достаточного числа исследований культурной памяти, их соотношение и анализ, с точки зрения указанных выше проблем, практически не проводился. Таким образом, целью настоящего исследования выступает теоретический анализ и обоснование роли культурной памяти как основы идентификации с группой и эмпирическая проверка существования взаимосвязи между двумя конструктами.

Татьяна Гавриловна Стефаненко – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: tstef@yandex.ru
Web: <http://www.psy.msu.ru/people/stefanenko.html>

Танзила Ахметовна Тумгоева – стажер кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: prima.rondine@gmail.com

Марина Викторовна Котова – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры организационной психологии факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
E-mail: mkotova@hse.ru
Web: <https://www.hse.ru/staff/marinakotova>

Роль культурной памяти как основы идентификации с группой

Проблема преемственности идентичности при наличии травмирующего события в истории группы

Изучение преемственности идентичности (или identity continuity) в основном связано с вопросами тождественности «Я» человека во времени и пространстве (McLean, 2008). Исследований преемственности социальной (коллективной, культурной) идентичности не очень много. Однако этот феномен все чаще вызывает интерес при изучении процессов, сопровождающих социальные изменения (Gongaware, 2011), формирование наций и национальной идентичности (Denison, 2009; Takei, 1998), травмы, заболевания и тяжелые жизненные события, вынуждающие человека расстаться с привычными профессиональными группами или сменить статус (Haslam et al., 2008; Papa, Lancaster, 2016), а также сочетание «идентичностей», то есть интеграцию бикультурной идентичности, религиозной идентичности (Arweck, Nesbitt, 2010) и разрешение ролевого конфликта (Gilchrist, Camara, 2012). В качестве методологической основы многие исследования берут теорию социальной идентичности А. Тэшфела (Tajfel, 1982) и теорию самокатегоризации Дж. Тернера (Turner, 1999). Они ссылаются на положения данных теорий о ключевой роли принадлежности к группе в поддержании позитивной самооценки и уровня субъективного благополучия (Haslam et al., 2012; Iyer, Jetten, 2011). Однако, с нашей точки зрения, при наличии опыта депортации в истории этнической группы возникает ряд сомнений в возможности построения последовательной и непротиворечивой цепочки процессов, происходящих при «передаче» идентичности новым поколениям, на основании теории социальной идентичности и теории самокатегоризации.

Одно из ключевых положений теории социальной идентичности заключается в том, что различные когнитивные процессы, происходящие при «взаимодействии» человека и группы (категоризация, идентификация и дифференциация), на-

правлены на установление «позитивной отличительности», нужной для поддержки позитивного самоотношения человека (Brown, 2000; Tajfel, 1982). Если же позитивное сравнение в свою пользу ока-

примеры памяти о геноциде, истреблениях и депортациях, сохраняющейся на протяжении веков, и, казалось бы, «не нужной» ныне живущим представителям этих групп, сильно ограничивают подобное

Правомерно предположить, что память о травмирующих событиях сохраняется, поскольку, несмотря на негативность подобной информации, ее сохранение крайне важно для существования группы, важнее вероятных негативных последствий для переживания человеком своей принадлежности к такой группе

зывается под угрозой, например, человек принадлежит к низкостатусной группе, либо возникают различные угрозы статусу группы, то активируются стратегии поддержания позитивной идентичности, которые могут принимать различные формы – от выхода из группы до поиска оснований для ее позитивной переоценки (Becker, 2012; Blanz et al., 1998; Tajfel, 1982). Исходя из этого положения, можно было бы предположить, что негативные события, связанные с историей группы, должны либо вести к постепенному исчезновению группы (если ее члены массово примут стратегию индивидуальной мобильности), либо отвергаться и подвергаться забвению при помощи различных практик забывания (в случае групп с низкой или «нулевой» мобильностью, какими являются этнические общности). Депортация целого народа, вне всякого сомнения, является негативным и травмирующим событием, которое связано с унижением, принудительным снижением статуса и долгосрочными последствиями. Тем не менее, анализ показывает, что память о таких событиях, напротив, бережно собирается и хранится (Донцов, Гончарова, 2005; Кениг, 2005; Саакян, Худавердян, 1995). Получается, что группа в некотором роде проводит «двойную» работу по поддержанию своей целостности: сохраняет память о негативных событиях и при этом поддерживает свою привлекательность как группы членства.

С одной стороны, такую «нелогичность» в «поведении» группы можно объяснить небольшим временным интервалом – группа сохраняется по инерции, пройдет время, сменятся поколения и группа либо распадется, либо негативные события забудутся. С другой стороны,

объяснение. Соответственно, правомерно предположить, что память о травмирующих событиях сохраняется, поскольку, несмотря на негативность подобной информации, ее сохранение крайне важно для существования группы, важнее вероятных негативных последствий для переживания человеком своей принадлежности к такой группе.

Наиболее известными примерами подобного превращения «негативных» феноменов в «позитивные» служат обоснование позитивных функций конфликта как силы, ведущей к социальным изменениям и сплочению группы (Козер, 2000), и изучение роли воспринимаемой внешней угрозы в сплочении группы (Riek et al., 2006). Однако сохранение памяти о травмирующих событиях происходит без наличия явного конфликта или внешней угрозы группе, что не позволяет применить данные объяснения. Для поиска альтернативных моделей и концепций мы обратились к изучению культурной памяти, поскольку данная область исследований напрямую связана с осмыслением процессов создания, переживания, хранения и передачи информации об истории группы (Wertsch, Roediger, 2008).

Культурная память как основа передачи социальной идентичности из поколения в поколение

Долгое время память считалась индивидуальным явлением, пока в 1925 году не вышла книга «Коллективная память» социолога Мориса Хальбвакса, в корне изменившая представления о ней (Halbwachs, 1992). Труды М. Хальбвакса положили начало новому направлению – социологическому исследованию памяти, в котором память понимается как социально опосредованный процесс, возникающий у человека только в

процессе социализации. С точки зрения М. Хальбвакса, индивид, выросший в одиночестве, не имел бы специфически человеческой памяти, а лишь более или менее длительно сохраняющиеся воспоминания о событиях только его индивидуального опыта (Halbwachs, 1992). С момента появления идей М. Хальбвакса возникло большое количество близких им концепций социальной памяти (Warburg, 1992), культурной памяти (Erl, 2008), истории

жет распределяться между членами группы не одинаково. Простейший вариант распределения – «однородный», когда память всех членов группы в целом идентична. Однако могут быть и «дополняющий» (различные члены группы помнят разные моменты из групповой истории, но они не противоречат, а дополняют друг друга) и «оспаривающий» варианты распределения воспоминаний в группе (Wertsch, 2002).

Роль передачи информации о пережитых событиях стоит особо отметить в случае трансляции информации в устных семейных историях и ее влиянии на стиль воспитания детей, семейный уклад, жизненные установки членов семьи, переживших эти значимые события

памяти (Ассман, 2004), коллективной памяти (Нора, 2005; Wertsch, Roediger, 2008). Поскольку их авторы не проводят сопоставительный анализ ключевых понятий, мы остановимся в нашей работе на термине «культурная память», что ближе содержанию последующего эмпирического исследования, и будем его использовать как синоним социальной, коллективной и тому подобных видов памяти.

Изучение культурной памяти на сегодняшний день представляет собой достаточно разнообразную по своим методологическим основаниям область. Применительно к целям нашего исследования можно выделить несколько ключевых идей. Во-первых, культурная память существует на двух взаимосвязанных уровнях (индивидуальном и коллективном), которые отличаются «носителями». В первом случае – это индивиды и межличностные взаимоотношения, во втором – социальные институты, практики и межгрупповые отношения (Erl, 2008; Mazzara, Leone, 2001).

Во-вторых, культурную память необходимо отличать от истории, она в существенно большей степени подвержена влиянию мотивационных и эмоциональных факторов, сильнее включена в принятие решений и межгрупповое поведение (Halbwachs, 1992; Wertsch, Roediger, 2008).

В-третьих, культурная память образует вокруг значений, нарративов (Gillespie, 2007). Но это не значит, что каждый в группе имеет одинаковые знания об этих «нарративных текстах» (Wertsch, 2007). Культурная память мо-

жет распределяться между членами группы не одинаково. Простейший вариант распределения – «однородный», когда память всех членов группы в целом идентична. Однако могут быть и «дополняющий» (различные члены группы помнят разные моменты из групповой истории, но они не противоречат, а дополняют друг друга) и «оспаривающий» варианты распределения воспоминаний в группе (Wertsch, 2002).

В-четвертых, культурная память – это не фиксированное хранение прошлого, а процесс отбора, интерпретации и постоянной реконструкции, который включает в себя как воспоминания, так и забвение (Cabecinhas, Abadia, 2013). Он позволяет интегрировать прошлое и будущее в единый образ (Ассман, 2017). Содержание памяти может быть сохранено или забыто, бессознательно искажено или присвоено. Воспоминания могут быть латентными в течение длительного времени, а затем снова пробудиться к жизни (Нора, 2005). Важно отметить, что на разных возрастных этапах плотность воспоминаний может быть разной. Молодость, по мнению исследователей, представляет собой фазу повышенной плотности, когда человек приобретает массу воспоминаний, во многом потому, что многое переживается впервые, зачастую определяя при этом последующую его жизнь (Schacter, 1999). Молодость – это жизненный этап человека, наполненный различными событиями, которые случаются с ним в первый раз, поэтому очень значимы для него, и воспоминания о них сохраняются в памяти на долгие годы. Также совершенно очевидно, что воспоминания пожилых людей о молодости ярче, чем о последних событиях, хотя бы в силу того, что восприимчивость и работа памяти в старости значительно ухудшается. Но такие процессы лучше описывают ситуацию «обычного» человека, прожившего спокойную жизнь. Совершенно иначе обстоит дело, если с обществом, в котором живет человек, происходит нечто, не вписывающе-

ся в обыденные рамки, например, война, геноцид, депортация (Эткинд, 2016). В таком случае, сколько бы лет не было человеку на тот момент, память о таких событиях будет достаточно сильна.

А. Эрл отмечает, что в воспоминаниях о прошлых событиях важно не только то, что запоминается (данные, факты), но и то, как это помнится. Так, могут существовать различные режимы запоминания. Например, Вторую мировую войну можно помнить как часть политической истории (катастрофа XX века), как часть травматического опыта (ужасы войны, взрывы, разрушения, жертвы), как часть семейной истории (член семьи – участник военных событий) и т.д. (Erl, 2008). Роль передачи информации о пережитых событиях стоит особо отметить в случае трансляции информации в устных семейных историях и ее влиянии на стиль воспитания детей, семейный уклад, жизненные установки членов семьи, переживших эти значимые события. Так происходит не только формирование семейной идентичности, но и идет приобщение к культуре народа, к переживанию важных исторических событий. Говоря о динамике культурной памяти, чрезвычайно интересно вспомнить наблюдение М. Хальбвакса о том, что культурная память передается не линейно, не от одного поколения к другому, а через поколение – от дедов к внукам, минуя родителей. Ребенок, находясь в контакте со своими дедушками и бабушками, через них дотрагивается до более отдаленного прошлого. Дедушки и бабушки сближаются с детьми, возможно потому, что по разным причинам ни те, ни другие не интересуются современными событиями, которые притягивают внимание родителей (Хальбвакс, 2005).

Существенным является и тот факт, что для интеграции заимствованных воспоминаний в собственную историю человека важно, чтобы они соответствовали фоновому эмоциональному ощущению, которое у человека связано с той эпохой, к которой они относятся, то есть важна связь с нынешними мотивами. Непосредственные очевидцы события фокусируют свою память на его значении для себя, в то время как следующие поколения скорее ориентируются на его политиче-

ское значение. Индивидуальная память о социальных явлениях часто сцеплена с воспоминаниями о событиях собственной жизни, при которых новость была узнана. Память о специфическом общественном событии может рассматриваться как черта коллективной идентичности, отражающая процесс коллективной идентификации, при этом репрезентирующая стратегию построения памяти об общественных событиях. Влияние исторических событий весьма ощутимо в процессе самопринятия, самовосприятия и самоидентификации группы (Gongaware, 2003). Результатом подобного влияния воспоминаний и переданной молодому поколению информации становится передача когнитивной и эмоциональной составляющих отношения к событиям, а также проникновение в более глубокие пласты личностных образований, непосредственно не связанные с этим опытом (Middleton et al., 2007).

В России и странах постсоветского пространства появляются работы, где предметом интереса выступает связь между культурной памятью и идентичностью. Среди их авторов – историки, философы, искусствоведы, но не психологи (Культурная память..., 2015). Эмпирические психологические исследования представляют еще большую редкость. Тем не менее, они существуют и представляют интерес для анализа. Так, украинский психолог О. Иванова, взяв за теоретическую основу идеи Дж. Верча о видах коллективной памяти, провела исследование, целью которого было выявление особенностей коллективной памяти украинских студентов о Холокосте и степени ее влияния на социальную идентичность. На основе проведенного анализа автор пришла к выводу, что такая коллективная память является не однородной, а во многом дополняющей и оспаривающей. Также в коллективной памяти молодежи сплетаются официальные версии (из учебников и средств массовой информации) и неофициальные версии, существующие на бытовом уровне. О наличии связи между коллективной памятью и идентичностью можно говорить только в отношении одной трети респондентов, и то связь эта является относительной. В целом, Холокост для молодежи

Украины является событием прошлого, не имеющего отношения к настоящему и будущему. Также память о Холокосте не является основой для поддержания социальной идентичности (Ivanova, 2007). На наш взгляд, полученные результаты правомерны, поскольку участники исследования не являются представителями еврейского народа, что вызывает вопрос о степени травматичности для них Холокоста.

В исследовании, проведенном А.И. Донцовым и В.А. Гончаровой, Холокост рассматривается как феномен со-

Для интеграции заимствованных воспоминаний в собственную историю человека важно, чтобы они соответствовали фоновому эмоциональному ощущению, которое у человека связано с той эпохой, к которой они относятся, то есть важна связь с нынешними мотивами

циальной памяти (Донцов, Гончарова, 2005). Респондентами выступили юные представители еврейского народа, часть из которых имеет родственников, переживших Холокост, а часть является выходцами из семей, не имевших такого экстремального опыта. Полученные результаты позволили говорить о том, что отношение к Холокосту более эмоционально окрашено у респондентов, члены семей которых не являлись его жертвами, в отличие от респондентов, в чьих семейных историях имелся такой опыт. Авторы объясняют это тем, что либо люди, пережившие Холокост, ограждают своих детей от этой травмирующей информации, либо рассказы о Холокосте настолько

Культурная память представляет собой определенную структуру общих представлений о прошлом, выражающихся в мифах, традициях, воспоминаниях, которые группа разделяет и принимает как должное

«одомашнились», что не имеют уже такой сильной эмоциональной окраски. Также противоречивые результаты авторы получили о связи между опытом Холокоста и национальной (этнической) идентичностью. Респонденты, в семьях которых не имеется опыта Холокоста, проявили большую идентификацию со своей национальной группой, чем респонденты, семьи которых пережили Холокост. Авторы предполагают, что это связано с тем, что люди, пережившие Холокост и наученные горьким опытом, не считают нужным формировать национальную

идентичность своих детей, которая с необходимостью включила бы травмирующее событие (Донцов, Гончарова, 2005).

Культурная память представляет собой определенную структуру общих представлений о прошлом, выражающихся в мифах, традициях, воспоминаниях, которые группа разделяет и принимает как должное. Значимый пласт культурной памяти представлен трагическими событиями из жизни социальной группы, память о которых передается из поколения в поколение, оказывая влияние на социальную идентичность.

Культурная память динамична: она может трансформироваться под влиянием различных факторов, опосредованных запросами общества. Одни воспоминания могут актуализироваться, другие – преданы забвению (коллективная амнезия). Культурная память – это не только один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом. Поскольку оживление разделяемых образов культурного прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конструирования социальных групп в настоящем и, возможно, в будущем (Ассман, 2016,

2017). Зафиксированные культурной памятью образы событий в форме различных культурных стереотипов, символов, мифов выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и в конкретных ситуациях.

По мнению исследователей, культурная память лежит в основе динамического взаимодействия между культурой, познанием и идентичностью (Cabecinhas, Abadia, 2013). При этом воспоминания выбираются по общей значимости для членов группы и определяют ее дальней-

шее существование (Tallentire, 2001). Соответственно, культурная память становится основой самоопределения группы и связующей нитью между ее членами.

На основании проведенного нами теоретического анализа в эмпирическом исследовании, описанном далее, был проверен ряд гипотез и о структуре конструкта культурной памяти, и о его взаимосвязях с компонентами социальной идентичности представителей ингушского этноса, как несомненного носителя травматичного опыта депортации в советское время (Эткинд, 2016).

Эмпирическое исследование

Выборка и инструментарий

В исследовании приняли участие 296 человек, идентифицировавших себя как ингуши. 52,4% из них – мужчины. Возраст респондентов – от 17 до 70 лет ($M = 26,22$, $SD = 10,0$).

При сборе данных использовался метод опроса. Анкета заполнялась респондентами самостоятельно. Она включала, помимо демографических характеристик (пол, возраст, место рождения и проживания, отнесение себя к этнической группе, этническая принадлежность родителей и бабушек-дедушек), измерение конструктов, описанных далее.

Этническая идентичность измерялась с помощью 14 утверждений, часть которых были заимствованы из методики Дж. Финни MEIM (Roberts et al., 1999) в адаптации А.М. Арбитайло (Стефаненко, 2013), часть – из методики О.Л. Романовой (Стефаненко, 2013). Респонденты выражали меру согласия с каждым утверждением по шкале от 1 – «Совершенно не согласен», до 4 – «Совершенно согласен». Пример утверждения: «Для человека важно ощущать принадлежность к своему народу». По нашему изначальному предположению методика должна была включать три шкалы: осознание своей принадлежности к этнической группе (познание идентичности, identity exploration) – 6 утверждений, отношение к своей принадлежности к этнической группе (этническая приверженность, identity commitment) – 6 утверждений, соблюдение поведенческих практик группы – 2 утверждения. Однако, учитывая комби-

нированный характер методики, сначала была осуществлена проверка факторной структуры методики, на основании чего рассчитывались средние показатели по шкалам.

Гражданская и религиозная идентичность измерялась с помощью модификации утверждений оценки этнической идентичности посредством замены слов и словосочетаний, касающихся этнической принадлежности, на слова о гражданской и религиозной принадлежности. Оценка структуры методики и дальнейшие расчеты идентичны процедуре для этнической идентичности.

Культурная память о депортации измерялась при помощи набора из 20 авторских вопросов и утверждений, включавших как оценку мнения респондента при помощи ранговых и порядковых шкал, так и открытые вопросы.

Обработка данных осуществлялась в приложении IBM SPSS Statistics 21.0. Для анализа были использованы: метод эксплораторного факторного анализа, корреляционный анализ, расчет согласованности шкал, показатели описательной статистики.

Результаты исследования

Обработка результатов проводилась в два этапа. На первом этапе был оценен состав и надежность шкал, измеряющих компоненты идентичности и культурной памяти. Каждый набор из 14 утверждений, предназначенных для оценки этнической, гражданской и религиозной идентичности, был подвергнут факторизации. Применялись различные сочетания методов извлечения факторов (главных компонент и максимального правдоподобия) и вращения (варимакс и облимин) для поиска наилучшей структуры.

В результате для методики измерения этнической идентичности были выделены три фактора (процент объясненной дисперсии = 54,5, КМО = .86): этническая приверженность ($\alpha = .85$), знание и соблюдение традиций ($\alpha = .60$), познание идентичности, желание узнать больше о своем народе ($\alpha = .54$). Для религиозной идентичности также были выделены три фактора (процент объясненной дисперсии = 64,5, КМО = .86), с одной стороны, со схожим, с другой – с отличным содержанием: религиозная приверженность ($\alpha = .89$), интерес к традициям

своей религии и их знание ($\alpha = .79$), желание защитить свою религию от неуважительного отношения извне ($\alpha = .71$). Для гражданской идентичности было выделено только два фактора (процент объясненной дисперсии = 57,9, КМО = .90): гражданская приверженность ($\alpha = .92$), знание и соблюдение традиций и законов своего государства ($\alpha = .73$). Третий фактор обладал слишком маленьким собственным значением.

Корреляционный анализ шкал идентичности показал, что они тесно связаны как «внутри» конструкта ($r = .24 \dots .50$, $p = .000$), так и «между» конструктами, то есть шкалы разных видов идентичности связаны друг с другом. Исключение составляют шкалы религиозной приверженности и защиты религии, они не показывают связей ни с одной другой шкалой, кроме относительно слабых связей внутри конструкта религиозной идентичности. Отчасти это может быть связано с крайне большим числом максимальных баллов в этих шкалах (4,00 даже после усреднения), что резко снижает дисперсию переменных и, соответственно, результативность процедур расчета корреляций и факторизации данных.

На основании данных по вопросам о культурной памяти был проведен как частотный и качественный анализ, так и оценка ранговых и порядковых переменных. Качественный и частотный анализ показывает общую экспрессивность ответов респондентов на вопросы о депортации, их желание оставить комментарий в графе «другое». На открытые вопросы анкеты были даны подробные и эмоциональные ответы. Все без исключения респонденты согласились с тем, что необходимо передавать память о депортации следующим поколениями, и с тем, что о депортации ингушского народа нужно рассказывать своим детям. Каждый участник исследования дал развернутый ответ-обоснование по этим вопросам. Обобщая ответы, можно выделить следующие категории: обоснование не просто желательности, но необходимости и обязательности передачи памяти о депортации; подчеркивание роли старших в культуре и уважения к старшим; исключительная травматичность опыта депортации, который переживается в на-

стоящем, а не находится в далеком прошлом; чувство несправедливости и желание восстановить справедливость; гордость от принадлежности к своему народу.

Один из блоков анкеты, посвященный культурной памяти, содержал утверждения для оценки выраженности тех чувств (гнев, чувство обиды, унижение, желание отомстить, сочувствие, скорбь, душевную боль), которые респондент испытал, когда впервые услышал о депортации, и которые он испытывает сейчас при воспоминании о ней (то есть оценка чувств происходила 2 раза). Эти переменные были подвергнуты факторизации. Это позволило объединить их в 2 новые шкалы, одинаковые и для чувств, испытанных в момент получения знания о депортации, и для воспоминания об этом событии: негативные активные чувства (гнев, обида, унижение, желание отомстить, $\alpha = .64$ и $.67$, соответственно) и негативные пассивные чувства (сочувствие, скорбь, душевная боль, $\alpha = .84$ и $.84$). Полученные шкалы выражено, значимо и позитивно взаимосвязаны друг с дру-

гом ($r = .33 \dots .84$, $P = .000$). При этом особенно сильную взаимосвязь показывают шкалы одинаковые по тональности, т.е. пассивные ($r = .81$) и активные негативные чувства, пережитые при первом узнавании о депортации и возникающие при воспоминании о ней ($r = .84$).

На втором этапе были рассчитаны взаимосвязи компонентов идентичности и культурной памяти, измеренные при помощи ранговых или порядковых шкал (шкал чувств, частоты воспоминаний о депортации, уровня осведомленности о депортации, согласия с тем, что семья респондента и ингушский народ в целом были бы счастливее без депортации). Полученные взаимосвязи (все положительные, кроме нескольких исключений), указывают на несколько паттернов (см. таблицу 1).

Во-первых, наиболее сильные связи с элементами культурной памяти (и по абсолютному значению, и по количеству) свойственны шкалам этнической идентичности. Причем, шкалы этнической приверженности и соблюдения тра-

диций связаны теснее (18 коэффициентов корреляции из 20 значимы). Шкала познания идентичности в целом слабее и совсем не связана со шкалами чувств о депортации.

Во-вторых, компоненты религиозной идентичности (религиозная приверженность и защита религии) в наибольшей мере связаны с чувствами о депортации, первый – с пассивными чувствами (сочувствие, боль и др.), а второй – с активными чувствами (гнев, унижение, желание отомстить). Шкала знания и соблюдения религиозных традиций теснее связана с компонентами культурной памяти, так как, помимо чувств, она связана с мерой осведомленности о событиях депортации и с представлением о том, что семья респондента была бы счастливее без депортации.

В-третьих, гражданская идентичность показывает более тесные связи с мерой осведомленности о событиях депортации и частотой воспоминания о них. Что касается чувств, то для обеих шкал присутствуют связи с пассивными чувствами.

Табл. 1. Взаимосвязи компонентов культурной памяти и социальной идентичности

Утверждения и шкалы культурной памяти	Компоненты идентичности							
	Этническая идентичность			Религиозная идентичность			Гражданская идентичность	
	Приверженность	Традиции	Познание	Приверженность	Традиции	Защита религии	Приверженность	Знание законов
Возраст, когда респондент впервые услышал о депортации	-,141*	-,142*	-,130*	,022	-,153**	,001	,021	-,048
Мера осведомленности о депортации ингушского народа	,156**	,262***	,289***	-,005	,210***	,009	-,053	,226***
Как часто Вы вспоминаете о депортации ингушского народа?	,326***	,247***	,188**	,084	,094	,018	,166**	,140*
Выраженность желания больше узнать о событиях депортации	,163**	,158**	,159**	,048	,079	,068	,107+	,186**
Мера согласия с утверждением: «Если бы не депортация, то моя семья была бы более счастливой»	,191**	,081	,193**	,097	,212**	,068	,147*	,234**
Мера согласия с утверждением «Если бы не депортация, то ингушский народ был бы намного счастливее»	,264***	,094	,128*	,071	,089	,083	,100	,142*
Выраженность активных негативных чувств при узнавании о депортации	,306***	,206***	,072	,109+	,106+	,157**	-,105+	-,075
Выраженность пассивных негативных чувств при узнавании о депортации	,217***	,246***	,066	,179**	,137*	,095	,114+	,138*
Выраженность активных негативных чувств при воспоминаниях о депортации	,352***	,268***	,084	,102+	,133*	,174**	-,044	-,045
Выраженность пассивных негативных чувств при воспоминаниях о депортации	,277***	,236***	,097	,166**	,113+	,111+	,133*	,093

Примечание: *** – $p \leq 0,001$, ** – $p \leq 0,01$, * – $p \leq 0,05$, + – $p \leq 0,1$

Для цитирования: Стефаненко Т.Г., Тумгоева Т.А., Котова М.В. Культурная память и социальная идентичность ингушей как представителей репрессированного народа // Национальный психологический журнал. – 2017. – №4 (28). – С. 45–56. doi: 10.11621/npsj.2017.0404

For citation: Stefanenko T.G., Tumgoeva T.A., Kotova M.V. (2017) The Ingush's cultural memory and social identity as a representative of repressed ethnic group. National Psychological Journal, [Natsionalnyy psikhologicheskii zhurnal], 4, 45–56. doi: 10.11621/npsj.2017.0404

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2017
© Russian Psychological Society, 2017

Table 1. Interrelations between the components of cultural memory and social identity

Statements and Scales of Cultural Memory	Components of Social Identity							
	Ethnic Identity			Religious Identity			Civic identity	
	Committal	Traditions	Cognition	Committal	Traditions	Protection of Religion	Committal	Knowledge of Law
Age, when the respondent first heard about deportation	-.141*	-.142*	-.130*	.022	-.153**	.001	.021	-.048
Degree of awareness of the Ingush people deportation	.156**	.262***	.289***	-.005	.210***	.009	-.053	.226***
How often do you recall the event of the Ingush people deportation?	.326***	.247***	.188**	.084	.094	.018	.166**	.140*
Extent of desire to learn more about deportation events	.163**	.158**	.159**	.048	.079	.068	.107+	.186**
Degree of agreement with the statement: "If it were not for deportation. my family would be happier"	.191**	.081	.193**	.097	.212**	.068	.147*	.234**
Degree of agreement with the statement: "If it were not for deportation. the Ingush people would be happier"	.264***	.094	.128*	.071	.089	.083	.100	.142*
Extent of active negative feelings when learning about deportation	.306***	.206***	.072	.109+	.106+	.157**	-.105+	-.075
Extent of passive negative feelings when learning about deportation	.217***	.246***	.066	.179**	.137*	.095	.114+	.138*
Extent of active negative feelings when recalling the fact of deportation	.352***	.268***	.084	.102+	.133*	.174**	-.044	-.045
Extent of passive negative feelings when recalling the fact of deportation	.277***	.236***	.097	.166**	.113+	.111+	.133*	.093

Note: *** – $p \leq 0.001$. ** – $p \leq 0.01$. * – $p \leq 0.05$. + – $p \leq 0.1$

В-четвертых, возраст, в котором респондент впервые узнал о депортации, отрицательно взаимосвязан с различны-

отдельных слов) свидетельствуют о чрезвычайной эмоциональной насыщенности переживания событий депортации,

Отвечая на наш центральный вопрос о связи культурной памяти и социальной идентичности, можно сказать, что эта связь достаточно выраженная, но неоднородная для каждого из видов идентичности (этнической, религиозной и гражданской)

ми шкалами идентичности. Соответственно, выраженность идентичности тем сильнее, чем младше был респондент, когда узнал о депортации.

Обсуждение результатов

Проведенное исследование подтверждает уже установленные факты, позволяет ответить на несколько вопросов и поставить новые. Комментарии респондентов в графе «другое», детальность ответов на открытые вопросы, экспрессивная пунктуация и орфография (восклицательные знаки, выделение ряда слов прописными буквами, повторение

несмотря на то, что подавляющее большинство респондентов родились существенно позже репатриации этнической группы. Таким образом, можно утверждать, что мы действительно имеем дело с событиями культурной памяти, активно переживаемыми в настоящем. Это создает основу для дальнейшей интерпретации результатов и еще раз подтверждает идеи исследователей о том, что коллективная память в течение длительного времени активно сохраняет события из прошлого группы и наделяет их эмоциональной насыщенностью.

Отвечая на наш центральный вопрос о связи культурной памяти и социальной идентичности, можно сказать, что

эта связь достаточно выраженная, но неоднородная для каждого из видов идентичности (этнической, религиозной и гражданской). Полученные результаты показывают, что из трех видов идентичности сильнее всего с культурной памятью ингушей о депортации связана этническая идентичность. Это представляется достаточно логичным, так как репрессировали и депортировали ингушей именно по этническому признаку, а не по религиозному или гражданскому. Но более важным, с нашей точки зрения, является тот факт, что все связи, которые представлены в таблице 1 (кроме первой строки и ряда редких исключений) являются положительными. Соответственно, чем сильнее выражена связь со своей этнической группой, тем в большей мере респонденты включены и в переживание памяти о депортации. Либо, напротив, переживание памяти о депортации ведет к усилению связи с группой. При этом нужно обратить внимание на тот факт, что такие же связи наблюдаются и у негативных эмоций – чем сильнее выраженность негатив-

ных переживаний (как пассивных, так и негативных), тем сильнее респондент чувствует приверженность группе, разделяет ее традиции. Такой результат отчасти подтверждает наши рассуждения о том, что культурная память, которая позволяет осмысливать и «примирять» разное прошлое, позволяет включать в общий позитивный образ своей группы и негативные события ее прошлого.

Религиозная и гражданская идентичность слабее связаны с компонентами культурной памяти. Однако есть ряд особенностей, на которых хотелось бы остановиться. Шкалы приверженности и защиты религии для религиозной идентичности неоднородно связаны с эмоциональными переживаниями о депортации. Если шкала приверженности, в первую очередь, связана с пассивными чувствами боли и скорби, то шкала защиты религии – с активными чувствами обиды и желания отомстить. Причем, это единственные составляющие культурной памяти, с которыми связана данная шкала. На этом основании можно предположить двойное значение культурной памяти для религиозной идентичности, когда из воспоминаний могут заимствоваться разные акценты и оттенки, включая сплочение вокруг агрессивных идей. Разумеется, данное предположение требует дополнительной проверки.

Гражданская идентичность показывает связи в основном с «когнитивными» составляющими культурной памяти (частотой воспоминания, мерой знания о событиях и т.п.), это же касается и шкалы познания этнической идентичности, которая не связана с эмоциональными компонентами. Опять же стоит заметить, что связи положительные. Учитывая, что после событий депортации представители репрессированного народа могли бы возложить вину на государство и представителей большинства, можно было бы ожидать отрицательных взаимосвязей,

чего не происходит, и что является хорошим знаком общей сплоченности государства.

Проведенное исследование не лишено ограничений. Необходима дальнейшая методическая работа, особенно с инструментами измерения культурной памяти. Результаты обработки показывают, что авторская методика, созданная для целей данного исследования, лучше всего позволяет оценить эмоциональный компонент переживаний событий депортации. Однако вопросы, касающиеся знания и поведения, требуют дальнейшей доработки и тестирования. Схожие замечания касаются и методик измерения идентичности. С одной стороны, существенное значение могли иметь особен-

Учитывая, что после событий депортации представители репрессированного народа могли бы возложить вину на государство и представителей большинства, можно было бы ожидать отрицательных взаимосвязей, чего не происходит, и что является хорошим знаком общей сплоченности государства

ности выборки, так как распределение ответов по методикам этнической идентификации сильно сдвинуто в сторону максимального согласия. С другой стороны, этническая, гражданская и религиозная идентичность обладают каждая своей спецификой, поэтому возможно не целесообразно делать утверждения методик изоморфными друг другу. Поскольку исходной методикой выступал инструментарий, разработанный именно для этнической идентичности, то это могло привести к меньшей конструктивной валидности двух других измерений (гражданской и религиозной идентичности).

Кроме того, полученные данные позволили бы сделать более глубокие выводы, если бы включали измерение ряда конструктов. С нашей точки зрения, такими могут выступать: показатели субъективного благополучия, чувство воспринимаемой угрозы, чувство вины за

произошедшие события (либо отсутствие данного чувства), а также атрибуция вины. Каждый из перечисленных конструктов позволит точнее понять процессы, происходящие «между» содержанием памяти о травмирующем событии в истории группы и идентификацией с группой.

Заключение

Исследование было посвящено эмпирической проверке предположения о том, что культурная память может выполнять роль своеобразной «основы» для передачи социальной идентичности группы от поколения к поколению.

Особенное значение культурная память приобретает в случае наличия травмирующего опыта в истории группы. Таким опытом, безусловно, являются депортации в советское время многих этнических общностей, в том числе ингушей.

Опираясь на полученные результаты, можно утверждать, что культурная память о депортации действительно взаимосвязана с особенностями социальной идентичности представителей репрессированного народа. На данном этапе сложно в полной мере описать качественные характеристики этой взаимосвязи. Тем не менее, проведенный анализ и полученные эмпирические результаты представляются полезными для разработки дальнейших исследований в этом направлении.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00980

Литература:

- Андреева Г.М. Социальная психология в пространстве современной науки и культуры [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2013. – Т. 30. – № 6. : [сайт]. – URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/861-andreeva30.html> – (дата обращения 20.12.2015)
- Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. – Москва : Новое литературное обозрение, 2016.
- Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. – Москва : Новое литературное обозрение, 2017.
- Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий : сборник статей / под ред. Ф. Барт. – Москва : Новое изд-во, 2006. – С. 9–48.

- Гудков Л. Негативная идентичность: статьи 1997–2002 годов : авторский сборник. – Москва : Новое литературное обозрение, 2004.
- Донцов А.И., Гончарова В.А. Холокост как феномен социальной памяти // Век толерантности. – 2005. – № 1–2. – С. 55–61.
- Кениг Х. Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании ФРГ [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3. : [сайт]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ke11.html>
- Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке : коллективная монография. – Москва : Совпадение, 2015.
- Нора П. Всемирное торжество памяти. [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3. : [сайт]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>
- Саакян Р, Худавердян К. Геноцид армян. Сквозь призму десятилетий. – Ереван : Государственная комиссия по мероприятиям в связи с 80-летием геноцида армян, 1995.
- Стефаненко Т.Г. Этнопсихология : практикум. – Москва : Аспект Пресс, 2013.
- Стефаненко Т.Г. Этнопсихология : учебник для вузов. – Москва : Аспект Пресс, 2014.
- Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3. : [сайт]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>
- Эткинд А. Кривое горе: память о непогребенных. – Москва : Новое литературное обозрение, 2016.
- Arweck, E., & Nesbitt, E. (2010) Young People's Identity Formation in Mixed-Faith Families: Continuity or Discontinuity of Religious Traditions? *Journal of Contemporary Religion*, 25(1), 67–87. doi: 10.1080/13537900903416820
- Ashmore, R.D., Deaux, K., & McLaughlin-Volpe, T. (2004) An Organizing Framework for Collective Identity: Articulation and Significance of Multidimensionality. *Psychological Bulletin*, 130(1), 80–114. doi: 10.1037/0033-2909.130.1.80
- Blanz, M., Mummendey, A., Mielke, R., & Klink, A. (1998) Responding to negative social identity: a taxonomy of identity management strategies. *European Journal of Social Psychology*, 28, 697–729. doi: 10.1002/(SICI)1099-0992(199809/10)28:5<697::AID-EJSP889>3.0.CO;2-#
- Brown, R. (2000) Social Identity Theory: past achievements, current problems and future challenges. *European Journal of Social Psychology*, 30, 745–778. doi: 10.1002/1099-0992(200011/12)30:6<745::AID-EJSP24>3.0.CO;2-O
- Cabecinhas, R., & Abadia, L. (2013) Narratives and social memory: theoretical and methodological approaches. Braga, University of Minho.
- Denison, M. (2009) The art of the impossible: Political symbolism, and the creation of national identity and collective memory in Post-Soviet Turkmenistan. *Europe-Asia Studies*, 61(7), 1167–1187. doi: 10.1080/09668130903068715
- Erl, A. (2008) Cultural Memory Studies: An Introduction. In A.Erl (Ed.) *Cultural Memory Studies: an International and Interdisciplinary Handbook*, 1–18. doi: 10.1515/9783110207262
- Gilchrist, E.S., & Camara, S. (2012) Cultural Dis/Continuity in African-American and Ghanaian Mothers' Voices and Identities. *Journal of Intercultural Communication Research*, 41(1), 81–108. doi: 10.1080/17475759.2011.651152
- Gillespie, A. (2007) The social basis of self-reflection. In Valsiner J., Rosa A. (Eds.), *The Cambridge Handbook of Sociocultural Psychology*, 692–709. Cambridge, Cambridge University Press. doi: 10.1017/CBO9780511611162.037
- Gongaware, T.B. (2011) Keying the past to the present: Collective memories and continuity in collective identity change. *Social Movement Studies*, 10(1), 39–54. doi: 10.1080/14742837.2011.545226
- Halbwachs, M. (1992) *On Collective Memory*. Chicago, University of Chicago Press.
- Haslam, C., Holme, A., Haslam, S.A., Iyer, A., Jetten, J., & Williams, W.H. (2008) Maintaining group memberships: Social identity continuity predicts well-being after stroke. *Neuropsychological Rehabilitation*, 18 (5/6), 671–691. doi: 10.1080/09602010701643449
- Ivanova, O. (2007) Collective Memory of the Holocaust and National Identity of the Student Youth in Ukraine. In *Third Annual Danyliw Research Seminar on Contemporary Ukraine*.
- Iyer, A., & Jetten, J. (2011) What's Left Behind: Identity Continuity Moderates the Effect of Nostalgia on Well-Being and Life Choices. *Journal of Personality and Social Psychology*, 101(1), 94–108. doi: 10.1037/a0022496
- McLean, K.C. (2008) Stories of the Young and the Old: Personal Continuity and Narrative Identity. *Developmental Psychology*, 44(1), 254–264. doi: 10.1037/0012-1649.44.1.254
- Papa, A., & Lancaster, N. (2016) Identity continuity and loss after death, divorce, and job loss. *Self and Identity*, 15(1), 47–61. doi: 10.1080/15298868.2015.1079551
- Riek, B.M., Mania, E.W., & Gaertner, S.L. (2006) Intergroup threat and outgroup attitudes: A meta-analytic review. *Personality and Social Psychology Review*, 10(4), 336–353. doi: 10.1207/s15327957pspr1004_4
- Roberts, R.E., Phinney, J.S., Masse, L.C., Chen, R., Roberts, C.R., & Romero, A. (1999) The Structure of Ethnic Identity of Young Adolescents from Diverse Ethnocultural Groups. *The Journal of Early Adolescence*, 19, 301–322. doi: 10.1177/0272431699019003001
- Schönpflug, U. (2001) Intergenerational transmission of values: The role of transmission belts. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 32(2), 174–185. doi: 10.1177/0022022101032002005
- Smeekes, A., & Verkuyten, M. (2014) When national culture is disrupted: cultural continuity and resistance to Muslim immigrants. *Group Processes and Intergroup Relations*, 17(1), 45–66. doi: 10.1177/1368430213486208
- Tajfel, H. (1982) Social Psychology of Intergroup Relations. *Annual Review of Psychology*, 33, 1–39. doi: 10.1146/annurev.ps.33.020182.000245
- Takei, M. (1998) Collective memory as the key to national and ethnic identity: The case of Cambodia. *Nationalism and Ethnic Politics*, 4(3), 59–78. doi: 10.1080/13537119808428538
- Turner, J.C. (1999) Some current issues in research on social identity and self categorization theories. In N. Ellemers, R. Spears, B. Doosje (Eds.) *Social Identity*. Oxford: Blackwell Publishing, 6–34.

Wertsch, J.V., & Roediger, H.L. (2008) Collective Memory: Conceptual foundation and theoretical approach. *Memory*, 16(3), 318–326. doi: 10.1080/09658210701801434

References:

- Andreeva, G.M. (2013) Social psychology in the space of modern science and culture. [*Psikhologicheskie issledovaniya*], 30(6). Retrieved from: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/861-andreeva30.html> (Accessed: 20.12.2015)
- Assman, A. (2016) New discontent with the memorial culture. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.
- Assman, A. (2017) Disintegrated with the ligature of times? The rise and decline of the temporal regime of the Modern art. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.
- Arweck, E., & Nesbitt, E. (2010) Young People's Identity Formation in Mixed-Faith Families: Continuity or Discontinuity of Religious Traditions? *Journal of Contemporary Religion*, 25(1), 67–87. doi: 10.1080/13537900903416820
- Ashmore, R.D., Deaux, K., & McLaughlin-Volpe, T. (2004) An Organizing Framework for Collective Identity: Articulation and Significance of Multidimensionality. *Psychological Bulletin*, 130(1), 80–114. doi: 10.1037/0033-2909.130.1.80
- Bart, F. (2006) Introduction In F. Bart (Ed.) *Ethnic groups and social boundaries. The social organization of cultural differences. Collection of articles*. Moscow, Novoe Izdatel'stvo, 9–48.
- Blanz, M., Mummendey, A., Mielke, R., & Klink, A. (1998) Responding to negative social identity: a taxonomy of identity management strategies. *European Journal of Social Psychology*, 28, 697–729. doi: 10.1002/(SICI)1099-0992(199809/10)28:5<697::AID-EJSP889>3.0.CO;2-#
- Brown, R. (2000) Social Identity Theory: past achievements, current problems and future challenges. *European Journal of Social Psychology*, 30, 745–778. doi: 10.1002/1099-0992(200011/12)30:6<745::AID-EJSP24>3.0.CO;2-O
- Cabecinhas, R., & Abadia, L. (2013) Narratives and social memory: theoretical and methodological approaches. Braga, University of Minho.
- (2015) Cultural memory in the context of the formation of Russia's national identity in the 21st century: Collective monograph. Moscow, Sovpadenie.
- Denison, M. (2009) The art of the impossible: Political symbolism, and the creation of national identity and collective memory in Post-Soviet Turkmenistan. *Europe-Asia Studies*, 61(7), 1167–1187. doi: 10.1080/09668130903068715
- Dontsov, A.I., & Goncharova, V.A. (2005) The Holocaust as a phenomenon of social memory. *The Age of Tolerance*, 1–2, 55–61.
- Erl, A. (2008) Cultural Memory Studies: An Introduction. In A.Erl (Ed.) *Cultural Memory Studies: an International and Interdisciplinary Handbook*, 1–18. doi: 10.1515/9783110207262
- Etkind, A. (2016) Crooked grief: The memory of the unburied. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.
- Gilchrist, E.S., & Camara, S. (2012) Cultural Dis/Continuity in African-American and Ghanaian Mothers' Voices and Identities. *Journal of Intercultural Communication Research*, 41(1), 81–108. doi: 10.1080/17475759.2011.651152
- Gillespie, A. (2007) The social basis of self-reflection. In Valsiner J., Rosa A. (Eds.), *The Cambridge Handbook of Sociocultural Psychology*, 692–709. Cambridge, Cambridge University Press. doi: 10.1017/CBO9780511611162.037
- Gongaware, T.B. (2011) Keying the past to the present: Collective memories and continuity in collective identity change. *Social Movement Studies*, 10(1), 39–54. doi: 10.1080/14742837.2011.545226
- Gudkov, L. (2004) Negative identity. Articles of 1997-2002. Author's collection. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.
- Halbwachs, M. (1992) *On Collective Memory*. Chicago, University of Chicago Press.
- Halbwachs, M. (2005) Collective and historical memory. *Reserve stock*, 2–3. Retrieved from: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>
- Haslam, C., Holme, A., Haslam, S.A., Iyer, A., Jetten, J., & Williams, W.H. (2008) Maintaining group memberships: Social identity continuity predicts well-being after stroke. *Neuropsychological Rehabilitation*, 18 (5/6), 671–691. doi: 10.1080/09602010701643449
- Ivanova, O. (2007) Collective Memory of the Holocaust and National Identity of the Student Youth in Ukraine. In *Third Annual Danyliw Research Seminar on Contemporary Ukraine*.
- Iyer, A., & Jetten, J. (2011) What's Left Behind: Identity Continuity Moderates the Effect of Nostalgia on Well-Being and Life Choices. *Journal of Personality and Social Psychology*, 101(1), 94–108. doi: 10.1037/a0022496
- Koenig, H. (2005) The memory of National Socialism, the Holocaust and World War II in the political consciousness of Germany. *Reserve stock*, 2–3. Retrieved from: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ke11.html>.
- McLean, K.C. (2008) Stories of the Young and the Old: Personal Continuity and Narrative Identity. *Developmental Psychology*, 44(1), 254–264. doi: 10.1037/0012-1649.44.1.254
- Nora, P. (2005) World Memory Celebration. *Reserve stock*, 2–3. Internet resource. Retrieved from: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>.
- Papa, A., & Lancaster, N. (2016) Identity continuity and loss after death, divorce, and job loss. *Self and Identity*, 15(1), 47–61. doi: 10.1080/15298868.2015.1079551
- Riek, B.M., Mania, E.W., & Gaertner, S.L. (2006) Intergroup threat and outgroup attitudes: A meta-analytic review. *Personality and Social Psychology Review*, 10(4), 336–353. doi: 10.1207/s15327957pspr1004_4
- Roberts, R.E., Phinney, J.S., Masse, L.C., Chen, R., Roberts, C.R., & Romero, A. (1999) The Structure of Ethnic Identity of Young Adolescents from Diverse Ethnocultural Groups. *The Journal of Early Adolescence*, 19, 301–322. doi: 10.1177/0272431699019003001
- Sakhakyan, R., & Khudaverdyan, K. (1995) The Armenian Genocide. Through the prism of decades. Yerevan, Gosudarstvennaya komissiya po meropriyatiyam v svyazi s 80-letiem genotsida armanyan.
- Schönpflug, U. (2001) Intergenerational transmission of values: The role of transmission belts. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 32(2), 174–185. doi: 10.1177/0022022101032002005

- Smeekes, A., & Verkuyten, M. (2014) When national culture is disrupted: cultural continuity and resistance to Muslim immigrants. *Group Processes and Intergroup Relations.*, 17(1), 45–66. doi: 10.1177/1368430213486208
- Stefanenko, T.G. (2013) *Ethnopsychology: Practical course*. Moscow, Aspekt Press.
- Stefanenko, T.G. (2014) *Ethnopsychology: Textbook for high schools*. Moscow, Aspekt Press.
- Tajfel, H. (1982) Social Psychology of Intergroup Relations. *Annual Review of Psychology*, 33, 1–39. doi: 10.1146/annurev.ps.33.020182.000245
- Takei, M. (1998) Collective memory as the key to national and ethnic identity: The case of Cambodia. *Nationalism and Ethnic Politics*, 4(3), 59–78. doi: 10.1080/13537119808428538
- Turner, J.C. (1999) Some current issues in research on social identity and self categorization theories. In N. Ellemers, R. Spears, B. Doosje (Eds.) *Social Identity*. Oxford: Blackwell Publishing, 6–34.
- Wertsch, J.V., & Roediger, H.L. (2008) Collective Memory: Conceptual foundation and theoretical approach. *Memory*, 16(3), 318–326. doi: 10.1080/09658210701801434